



Данилевский. Немецкие колонии близь Крыма. Сочинения Г. П. Данилевского. Т. 20. 1901.

(Из путевых заметок по Малороссии)

В России в настоящее время¹⁾ находится до 300 000 человек колонистов разных племен и вероисповеданий. Первые колонисты были водворены в нашем отечестве около 1763 года по указу императрицы Екатерины II; им дано было на каждое семейство от двадцати пяти до тридцати десятин земли. Все колонисты состояли под ведением комитета опекунства об иностранцах. Особенные привилегии быстро развили благосостояние наших колоний. С той поры их народонаселение беспрестанно увеличивалось. В Сарептской колонии оно удваивалось в каждые двадцать два или двадцать пять лет. Взглянем на состояние немецких колоний в наших херсонских степях, именно колоний менонистов.

Недавно мы имели случай видеть все менонистские колонии, которые лежат по большой дороге из Керчи, через Арабатскую Стрелку, Мелитополь и Орехов, в Екатеринославль.

Колонии эти, числом до двадцати нумеров, как их называют русские, носят имена или немецкие, или татарские, или русские. Они расположены в небольших расстояниях друг от друга и представляют вид небольших германских торговых городков. Большая дорога идет чрез их главные улицы.

Каждому хозяину полагается обязанностью возделывать

¹⁾ Писано в 1855 г.

-190-

небольшой домашний сад. Часть этого сада засеивается фруктовыми деревьями, другая часть — дикими деревьями, третья — тузовыми. Кроме этого сада, все хозяева общими средствами обязаны возделывать огромный общественный сад своей колонии. Этот сад имеет также три разряда дерев: фруктовых, диких и тузовых. Подобное распоряжение имело самое благотворительное влияние на пустынные степи нашего юга. Дорога, по которой вы большею частию не встретите даже верст, заменяемых здесь небольшими насыпями, во многих местах идет роскошною аллеею менонистских плантаций... Степи наши обращаются в сады...

Сверх этой первой обязанности, менонистские колонисты должны устраивать в своих хлебных полях живые изгороди. Живые изгороди удались здесь в отличном виде. Кроме тени, которою они увеличивают влажность атмосферы и степной почвы, живые изгороди составляют притом лучшую защиту против постоянных степных ветров, из которых восточный, летний, особенно страшен для нашей благословенной житницы Малороссии.

Самые травы вокруг садов и живых изгородей оживляются, разрастаются и дают превосходный укос. Иногда в местах, долгое время обнаженных и обгорелых, вдруг являются травы самые сочные и редкие. В несчастные годы, когда для южных хозяйств в Крыму и в степях Украины сено чрезвычайно дорожает, у менонистов его бывает столько, что они им снабжают самых отдаленных своих соседей.

Колонии состоят из главной улицы и двух или трех переулков. Дома все деревянные, на каменных фундаментах, в два и часто в три этажа. Кровли высокие, острые, выкрашенные в красный или в черный цвет. Крыльцо каждого дома выходит на улицу, что очень поражает путешественников, привыкших в Крыму к домам, которые на улицу не имеют даже окон и представляют сплошные, печальные массы. Перед домом зажиточных менонистов вы увидите колодец с колесом и чистенькою голубою бадьей; подле помещается длинное корыто, куда бежит вода для скота. Кроме домового садика, который выходит на улицу, как в Москве в

Садовой улице или в Петербурге на Большом проспекте Васильевского острова, вы иногда увидите хорошенький павильон,

-191-

в котором женский пол менонистского семейства в летние дни купается в чистеньких и оранжевых ваннах. Рядом с каждым домом устроены сараи; одна часть сарая служит для помещения фабрики или мастерской, в другой ставятся земледельческие орудия и экипажи. За сараем помещаются конюшни, овечьи загоны, бойни, погреба и ледники. У каждого селения возвышается столб с надписью на металлической доске: такая-то колония, столько-то жителей и домов.

Менонисты имеют довольно оригинальное устройство своих общин. Они не допускают между собою никакой роскоши, никакого щегольства. Дорогие ткани, модные платья женщин и мужчин, пестрые цвета — все это запрещено у них. Для женщин существует здесь такой же, установленный годами, неизменный наряд, как и для мужчин. В этом их хозяева находят огромную выгоду. Подобно тому, как в Петербурге, Лондоне и Вене денди, например, ни в каком случае в настоящее время не смеют ходить, положим, в желтых шелковых фраках или в блондовых жилетах, так точно и менонистские модницы не смеют носить прически *a la Titus* или шелковых платьев с воланами. У менонистов не существует даже слов и понятий о моде и современности вкуса. У них все, как в старину. Мужчины уже четвертый десяток носят зеленые суконные куртки, узкие черные панталоны, что безобразит их неуклюжие и длинные ноги, башмаки, подкованные гвоздями и шапки с колоссальными козырьками; летом к этому костюму присоединяется соломенная шляпа. Женщины ходят в синих чулках; эти синие чулки как нельзя лучше приходятся к менонисткам, потому что они ужасные умницы, скороспелки, пишат, кроме отчетов по экономии, свои дневники и участвуют в туземных газетах, «*Zeitung*», которых у них две. Все менонистки носят короткие шерстяные юбки, черные передники, голубые ситцевые корсажи и несколько ниток ожерелья. Волосы убирают в корзинку, а виски заплетают косичками и в виде белокурых клапанчиков укладывают по бокам бровей.

Мужчины и женщины все ужасные флегматики, но опрятны, рассудительны, работающи и экономны. Изгнав роскошь, менонисты распорядились так же и с изящными

-192-

искусствами: музыка у них предана остракизму и запрещена под страхом строгих взысканий. Танцы считаются одним из смертных грехов. Молодые мужчины совершенно удалены от женского общества. Менонисты говорят, что сближение молодых людей обоего пола порождает только пошное волокитство, бесхарактерность, легкость и ветреность мыслей. Вы их не уверите, что это отчуждение мужчин от общества женщин порождает еще худшие последствия: угрюмость характера первых и смешную сентиментальность последних; молодые мужчины в свободное время губят свои досуги в пьянстве, в курении кнастера и в чтении глупейших рыцарских сказок, и, наконец, браки редко бывают счастливы у менонистов, потому что жених и невеста до дня свадьбы редко знают друг друга даже по имени.

Менонистское начальство считает обязанностью следить за частной жизнью каждого из колонистов. Когда какой-нибудь член менонистского общества своими поступками, развратным поведением или неповиновением обществу навлечет на себя общее негодование, его призывают в молитвенный дом. Президент совета читает ему его проступки, укоряет его в бесчестной жизни и, от имени общества, исключает из числа членов колонии: это значит, что виновный лишается чести, всего имения, жены и детей... Никто ему не смеет подать руку! Исключенному остается одно: поступить в наемники к одному из членов колонии. Если он исправится, лет через пять, правление колонии призывает его вновь в молитвенный дом, читает ему положение совета и объявляет, что общество, исключив его из своего состава, положило своею обязанностью следить за ним, что он своею последнею честною жизнью искупил свое прошедшее и что общество вновь принимает его в свою среду, возвращает ему его права, имение и семейство, бывшее без него под опекою общества.

Благотетельные меры правительства совершенно осчастливили этот чудный уголок России.

В числе менонистов есть семейства, которые пришли в наше отечество, не имея ничего, кроме жажды труда и хозяйственных познаний, а ныне пользуются огромными богатствами. Фамилии Карниза, поместья которого, Тощенаг и Юшакли, чудно устроены, и Пфейля пользуются всеобщим уважением.

-193-

Корниз, с самого прибытия в Россию до нынешнего времени, постоянно был главою менонистских колоний. Честность, здравый ум, гениальные способности в науке хозяйства и в практике положительной жизни, наконец, европейская ученость, доказательством которой служат его сочинения по части хозяйства и сельской промышленности, — все это характеризует представителя менонистов. Корниз, кроме забот о своих соотечественниках, много сделал и для других племен южной России. Так, его содействием к осуществлению благих предначертаний правительства дикие ногайцы стали теперь народом оседлым. Корниз сперва входил с ними в дружбу, потом надежнейших ногайцев брал к себе в наемники, в услужение, учил их обработке земли, посеву хлебов и деревьев, обогащал их сколько можно, просвещал — словом, доводил их личность до личности европейца и потом отпускал их в родные кочевья... Образование таких пришлецов быстро распространялось на диких ногайцев, они бросали свои кибитки, селились в степях, у рек и озер, заводили вначале род татарских аулов, строили сакли, потом малороссийские мазанки, хаты, а ныне вы встретите целые ногайские селения, которых нельзя отличить от немецких колоний. По распоряжению местного начальства, здесь обращают большое внимание на благочиние ногайских поселений. Дурные хозяева, за нерадение и нечистоту в домах, переселяются в заднюю часть деревень, и желание жить в главной улице, на большой дороге, заставляет ногайцев бросать и природную лень, и природную дикость. Несмотря на нынешнее свое богатство, ни один из честных менонистов не переменит своих привычек и образа жизни.

У одного из богатейших менонистских магнатов я как-то провел весь день и успел подметить много странного в чудной жизни его семейства. Старик-хозяин имеет теперь состояние в несколько миллионов. В разговорах своих он иногда ссылается на некоторые участки своих земель, говоря: «Да! у меня есть там-то клочок чернозема, там-то клочок степей», — а эти клочки состоят из нескольких тысяч десятин земли. Получая не один десяток тысяч рублей дохода, мой знакомый менонист

-194-

живет очень просто, его дочери готовят ему обед, служат за столом, моют его бумажные колпаки и стелют гостям чистые, настоящие германские постели.

У другого менониста состояние значительнее, чем у предыдущего, и, несмотря на это, честный колонист объезжает на простой тележке каждый год свои земли, где пасутся бесчисленные стада овец и лошадей; выдал единственную дочь за своего чабана, пастуха, и вовсе не жалеет своего зятя, который по-прежнему целое лето живет в степи с овцами и только зимою предается счастью семейного уголка.

Кстати о стадах овец и лошадей. Теперь на юге, особенно у колонистов, коневодство играет важную роль. Заимствуем здесь описание степных новороссийских табунов из сочинения Коля и, показав нашим читателям любопытную сторону нашей степной жизни, тем самым постараемся обратить их внимание на богатства наших колоний.

Под степными и дикими лошадьми не должно разумеать таких, которые пасутся на воле, без всякого надзора, и которых потом ловят; в этом смысле, может быть, встречаются еще табуны диких, никому не принадлежащих лошадей в киргизских и аральских степях, где есть огромные, необитаемые, никому не принадлежащие пространства. В новороссийских степях важнейшие из помещиков владеют такими огромными землями, что, за недостатком людей, могут обрабатывать только самую малейшую часть оных, а потому, кроме овец и рогатого скота, содержат большие табуны лошадей, которые посылают в отдаленнейшие пастбища или самые плохие уголья, и тем бесполезную траву превращают в выгодные силы, и задешево воспитывают в пустынях сильную породу лошадей.

Они покупают кобыл и жеребцов и отсылают их, под надзором пастухов, в степи для

расплода. Жеребята оставляются в табунах, пока число лошадей в табуне не возрастет до известного предела, то есть пока имение может их прокормить, не вредя прочим отраслям хозяйства. Это число, по величине имения, бывает различно: от 100 до 800, даже 1000 лошадей. Иногда помещики имеют несколько подобных табунов, которые вместе возрастают тысяч до десяти штук, но тогда табуны

-195-

распределяются по разным имениям, из которых для каждого едва ли назначается более тысячи. Когда табун размножается до известного числа лошадей, соответственного имению, начинается пользование оными; до того лошади рождаются и издыхают, не принося никакой выгоды; пользование состоит в том, что из табуна частью берут рабочих лошадей, нужных для хозяйства в имении, частью же этих, на свободе степей окрепших, сильных животных продают охотникам, ремонтерам и на ярмарках.

Степное воспитание лошадей производится под надзором табунщиков.

Эти табунщики составляют столь же отличный тип степей, как и дикие лошади, и едва ли во всей Европе можно найти подобных людей: разве только нечто подобное можно встретить у их антиподов, в пампасах или травных степях Южной Америки. Пастухи овец и скота суть настоящие телегообитатели и возят за собою в своих странствованиях телеги, с которыми на короткое время и утверждают в том или в другом месте. Этого небольшого удобства табунщик не имеет, потому что дикость и быстрота коней заставляют его постоянно быть верхом на лошади. Бурный темперамент его питомцев не дает ему ни минуты покоя: он день и ночь остается на лошади, которая не только служит ему сиденьем, но и столом для обеда, диваном и постелью... Этот народ приобретает удивительную способность удовлетворять все свои прихоти, для чего прочим людям необходима разная мебель, помощью одной лошади, от четырех ног которой они так же не отделены, как кентавры от своих...

Когда другие люди ищут покоя, тогда именно табунщик лишен его. Ночью, когда лошади далеко уходят пастись, он должен постоянно объезжать табун, потому что тогда-то и собираются все опасности от волков, воров, бури и прочего. В проливной дождь и метель ему хуже, чем лошадям, потому что последние могут отвертываться от ветра, а он должен постоянно идти против направления бури, чтоб смотреть за лошадьми и отгонять их; иначе они без призора, в сильную непогоду, рассеиваются по обнаженной степи... Табунщик

-196-

обыкновенно носит панталоны из шкуры жеребьячей или телячьей; род камзола из того же материала, внутрь шерстью, под которою прежде билось лошадиное сердце, согревает его грудь. Все это стягивает кожаный ремень, к которому навешиваются разные редкости: кусочки металла, янтарь, деньги, древности...

Так как табунщики бывают и врачами порученной им скотины и почти всегда знают с дюжину разных средств, то обыкновенно пояса их обвешиваются хирургическими и медицинскими снарядами. Они носят высокие цилиндрические шапки из черного бараньего меха. Сверху надевают свитку из темной овечьей шерсти; снаружи к ней приделан большой капюшон, который надвигается на шапку и лицо и в котором, как в древних шлемах, оставлены отверстия для глаз, носа и рта. В хорошую погоду капюшон висит на спине, как мешок, и действительно вместо него и употребляется... Табунщик бывает вооружен арапником, арканом и дубиной. Аркан — веревка длиною аршин в пятнадцать с узлом на конце: когда нужно, табунщик бросает его на лошадь, обматывает веревку об ее шею, затягивает узел и повергает пленника на землю. Дубинка обделана на кончике железом: ею бьют, иногда ее бросают.

Сверх этих вещей и чашки с водою (так как надобно возить с собою и колодец, необходимый при безводии степей), сверх сумы с хлебом и фляжки с водкой табунщик имеет еще некоторые безделицы, что можно себе представить, если вообразить, что лошадь — его арсенал, спальня, кладовая и кухня и что она должна мчать в галоп все предметы, удовлетворяющие жизненным потребностям. Эти, сказанным образом обвешанные, вооруженные дубиновержцы, работая своим хлопающим арапником, умеют удивительно искусно управлять неукротимыми конями своего табуна, решать их споры, водить их днем и

ночью, в бури и непогоды, защищать от волков. Более всего хлопот причиняют им жеребцы, которые постоянно стараются утвердить свою власть над другими лошадьми, а потому и находятся с ними во всегдашней вражде...

Эти злые и упрямые султаны табунов, из коих некоторые живут в степи лет по пятнадцати и двадцати, не

-197-

видав в глаза конюшни, иногда до того надоедают табунщикам, что они проклинают свое ремесло, отправляются к хозяевам и объявляют, что они с таким-то жеребцом не могут более служить и, как говорит Коль, или им не служить, или жеребцу не быть в табуне!.. В таких случаях своевольный жеребец продается или на время отсылается в темницу конюшни, где и должен искупить свою необузданность.

При неимоверных трудах табунщик редко достигает старости. Разумеется, и плата ему бывает высока. Они получают ежегодно от пяти до шести рублей за лошадь, и, следовательно, за тысячу штук получают от пяти до шести тысяч рублей ассигнациями! Это было бы выгодное жалованье для пастуха, если б он не должен был платить за пропадающих лошадей, нанимать себе товарищей, которых при табуне в тысячу лошадей не может быть менее трех, и держать своих верховых лошадей для езды.

Кража лошадей в степях производится иногда в большом виде, и при несчастьи можно в одну ночь потерять большое число. Впрочем, если табунщики счастливы, ловки, поселяют страх в ворах и зверях, то через несколько лет могут собрать порядочный капитал и оставить свое звание. Но жадность к деньгам ослепляет их: они не оставляют своего ремесла вовремя и обыкновенно теряют все, что до того успеют сберечь.

Иногда в тяжелой жизни табунщиков бывает и веселье. Денег у них довольно, жид верит на сколько угодно, и они проводят ночи в степных корчмах. Поутру, проспавшись, мчатся на бегунах за табуном и сгоняют рассеенных. Если лошади в ночь наделали вред в полях или садах, то они умеют хитростями избежать ответственности.

Бывают и между табунщиками ужасные конокрады. Если они прогоняют свой табун, то берегись странник, остановившийся на большой дороге. Будто занимаясь только своими лошадьми, они подходят ближе и ближе и пасут своих лошадей подле дороги; но чуть солнце закатится и наступят сумерки, они напрягают свое зрение, как совы, и где только завидят парочку лошадей, которых, может быть, выпряг обозник и пустил на травку или которые зашли подальше от соседней деревни, тотчас настигают

-198-

их безжалостным арканом и гонят весь табун в степь. Табунщики не держат краденого добра, а передают его своим приятелям противной стороны, с которыми всегда имеют ночные сходбища; эти приятели препровождают пленников далее, и таким образом след их теряется. Время этих сделок — тихая летняя ночь... Воры-пастухи свершают тогда свои переезды верст по сорока и по пятидесяти, о которых так же мало известно, как и о ночных странствованиях хищных жителей пустыни. Монгольские могильные холмы бывают при этом случае местами сходки, впадины пещер — кошельками, а широкая степь базаром...

Весною лошадям приволье во всех отношениях. Только волки, проголодавшись после зимы, иногда их сильно беспокоят. Волки, конечно, не осмеливаются прямо нападать на табуны, оберегаемые пастухами; но иногда случается им зарезать жеребенка, оставленного матерью, или отсталую хромую лошадь. Если то завидят другие лошади, то не дают пощады, а дубинка пастуха вылетает из его рук и убивает хищника до смерти. Летом случается, что лошади терпят от жаров. Тогда они пасутся только ночью в прохладных, несколько сыроватых долинах и оврагах, но к утру уже теряют аппетит и не едят более ни былинки. При наступлении жара они выходят на высокую степь, которая иногда еще освежается ветерком, так как долины и овраги, бывшие ночью прохладными погребками, днем раскаляются, как печи. Так как в степи тени вовсе нет, то лошади становятся в кружок головами и доставляют друг другу тень, хотя, впрочем, весьма скудную. В этом положении стоят они небольшими отделениями по целым часам, как статуи, и иногда только мотают головой, навевая тем себе несколько прохлады.

Пастухи обыкновенно лежат кружками. После жажды и зноя лета наступает наконец приятное осеннее время, когда степь вновь зеленеет, вода течет обильнее, табуны отгуливаются и собираются со свежими силами.

Собственно в начале октября все стада возвращаются из степей, или их выгоняют туда только днем. Но если стоит хорошее время, то оставляют их в степях и после этого срока, пока, наконец, вдруг налетит вьюга, предвестница зимы. Тогда только и слышно, что у того

-199-

помещика вьюга загнала сотню лошадей в лиман, озеро, образовавшееся от морских наводнений, у другого еще более погибло в овраге. Но еще хуже этих вьюг густые туманы, случавшиеся осенью, так что шагах в десяти ничего нельзя различить. Тогда пастухи собирают свои табуны в возможно тесный круг и беспрестанно его объезжают; иногда туманы образуются так скоро, что лошадей не успевают собрать; если притом являются еще злые люди, то гибель табуна неизбежна.

Табуны пригоняются на ярмарки для продажи лошадей в Балту и в Бердичев. На ярмарках обводят места веревками или обносят лесом, и туда пускают табуны. Подле сидит хозяин, вокруг ходят охотники и покупщики и выбирают. От продавца нельзя требовать, чтоб он показал или подвел лошадь. Он отвечает, что «это дикие лошади, смотрите и выбирайте: такой-то лошади столько-то лет, я стою за это, больше ни за что не ручусь, — она стоит столько-то. Но наперед я не могу поймать лошади: это стоит много хлопот, и, пожалуй, при этом еще испортишь лошадь. Дайте табунщику столько-то на водку... Если поймает хорошо и осторожно, ваша взяла!» Действительно, табунщик может так туго набросить аркан, что от этого лошадь пострадает. Самые большие покупки делаются не на ярмарках, а в самих табунах. Ремонтеры и вообще оптовые закупщики ездят из табуна в табун и расспрашивают, есть ли лошади столько-то лет, такого-то цвета, замечают, сколько их, и когда набирают достаточное число, то отправляют их на место назначения. При получении смотрят только лошадям в зубы, чтоб убедиться насчет лет; впрочем, известно, что этот дикий товар приблизительно имеет равную цену и что только воспитание и обучение лошади открывает ее хорошие и худые свойства.

Мы должны сказать еще несколько слов о зиме. Это время года самое несчастное для бедных животных: оно исполнено лишений, голода, холода, производит болезни и даже смерть. Загон, где их собирают, представляет вал, обведенный рвом. Только по местам находится род крыши для защиты от северных ветров. В таком жалком жилье бедные животные должны терпеть ужасную стужу. В то же время они подвергаются иногда мучениям голода.

-200-

В начале зимы, когда в степях под снегом еще зеленеют немногие осенние травы, табунщик подкладывает им иногда пуки сена и соломы, и таким образом они перебиваются кое-как до января. И тогда недостаток проявляется во всей силе: все запасы истощаются, дурная погода продолжается, и бедному табуна подкладывают уже солому, назначенную было для топлива, и тростник; в отчаянных случаях раскрывают соломенные и тростниковые крыши и кормят скот тем, что достают. Всякую зиму табуны выходят больными и исхудалыми, будто привидения. Счастье, когда лошади еще выходят, потому что случаются зимы, когда они падают жертвами лишений; много лет тогда потребно для того, чтобы вновь поправить и усилить табуны. В такие годы, по словам автора «Обозрения экономической статистики России», хозяева готовы отдать все. Они обращаются к скрягам, которые, в надежде на такие времена, целые годы хранили сенные запасы и теперь продают их за безмерную цену, открывают амбары с хлебом, который был спрятан для «благоприятных обстоятельств». Картофель, репа, кукуруза, хлеб — все делится с животными; скупость человека переходит в жалость.

1855 г.